

«САМЫЙ ГЛУХОЙ ПЕРИОД»

К выходу первого тома Бахтина

М.М.Бахтин. Саранск, 1955.

Чистейший анахронизм — и в первую очередь не потому, что ущемляет филологию (ее-то ничем не ущемишь), а потому, что XX век тем и примечателен, что свел философию и филологию в неслиянное и нераздельное единство. Это сделал Витгенштейн. Это сделал Шпет. Это сделал дискутировавший с ним Бахтин.

Первый набросок в томе, Впрочем, и называется «К философским основам гуманитарных наук».

«В творческой биографии М.М.Бахтина, — пишут комментаторы, — 40-50-е годы — самый глухой период». Провинция: Савелов, Саранск. Никаких публикаций за два десятилетия. «Бахтин в эти годы находится в состоянии почти что научного и литературного небытия».

Возможно, именно эта не только социальная, но и психологическая ситуация определила в основном «черновой» характер работы Бахтина в эти глухие годы. Ни один из материалов, опубликованных в 5-м томе, сам Бахтин не думал предназначать для печати.

Вот, например, как выглядит большая часть этих записей: «Ложь — это наиболее современная и актуальная форма зла. Феноменология лжи. Чрезвычайное многообразие и тонкость ее форм. Причины ее чрезвычайной актуализации. Философия лжи. Ложь риторическая. Ложь в художественном образе».

Строго говоря, эти тезисы, к которым неприменимо даже слово незавершенность, могут быть для внимательного и открытого подобным же поискам читателя и исследователя более чем содержательными. Они провоцируют поиск. Возможно даже предугадать, реконструировать развитие этих тезисов в законченных, «канонических» трудах Бахтина — такая по-

пытка предпринята в обширнейших комментариях, по объему далеко превосходящих основной корпус книги. (В настоящем томе комментарии занимают 300 страниц убогим шрифтом). От скрупулезного текстологического анализа, озабоченного канцелярскими деталями бахтинского архива, они уходят в глубокую перспективу филологического, культуроведческого и философского исследования. Квалифицированная их оценка требует и более продолжительного изучения, и гораздо большего пространства, чем нам дано. Однако определенно ясно одно: это собрание сочинений обещает быть своеобразной бахтинской энциклопедией.

К редакторам и составителям тома у меня есть лишь один вопрос, на который я не смог ответить сам. В преамбуле к комментариям говорится: «Редакторы, текстологи и комментаторы тома приняли решение познакомить читателя с составом сохрани-

шихся творческих текстов автора самого малоизвестного нам периода его работы. Нам открывается в материалах тома лаборатория мысли автора, продолжавшей работать и развиваться в чрезвычайно малоперспективных исторических и личных обстоятельствах. Принимая во внимание особый (архивный) характер этого тома, рабочий коллектив Собрания и постарался подготовить его к изданию прежде всего и раньше других томов, вне порядковой очереди».

Во многом это резонно, и с точки зрения бахтиноведов, знающих близко к тексту все его ранее опубликованные и законченные труды, этот пятый том — том первой необходимости. А в свете общей задачи по выпуску собрания и глазами не специалиста, а просто заинтересованного читателя? Ведь для того, чтобы оценить все, что называется, неисчислимы богатства «архивного» тома, «черновой» работы мыслителя, надо хорошо знать и иметь в виду предыдущие тома, предшествующие десятилетия.

Будет нелишним анонсировать содержание остальных шести томов (что сделано в редакционном предисловии): 1 том. Философская эстетика 1920-х годов; 2 том. «Проблемы творчества Достоевского» (1929). Статьи о Толстом (1929). Приложение: Записи курса лекций по истории русской литературы (20-е гг.; записи Р.М.Миркиной); 3 том. Теория романа (1930 годы); 4 том. Книга о Рабле и материалы к ней (1940—1970); 6 том. «Проблемы поэтики Достоевского» (1963). Работы 60-70-х годов; 7 том. Работы «круга Бахтина».

У бахтинского семитомника намечена еще одна ценная особенность. Все тексты, как архивные, так и уже опубликованные, печат-

аются заново по авторским рукописям, с исправлением неточностей в уже существующих изданиях. Исключение составляют лишь случаи, когда рукопись не сохранилась, — например, «Проблемы поэтики Достоевского» 1929 г. (Назовем, кстати, имена текстологов, не обозначенные в выходных данных: Л.Дерюгина, Г.Теплова, Л.Мелихова).

Круг тем и имен в материалах пятого тома — узнаваемо бахтинский: Достоевский, Рабле, Гоголь, теория смеха, карнавал, диалог, речевые жанры, эстетика романа и т.д. Но появляются имена и темы, не совсем привычные для читателей Бахтина: Флобер, Маяковский, Джойс, проблема сентиментализма...

Однако не будем возводить в принцип ту мысль, что всякая подготовительная, сопроводительная, «маргинальная», лабораторная работа является абсолютно «черновой», «сырьевой». В конце концов, разве нет в рождении и созревании (на наших глазах!) мысли великого ученого самодовлеющей ценности? И разве не обладает небольшой текст («Человек у зеркала»), которым мы и завершим нашу статью, совершенной, законченной красотой?

«Фальшь и ложь, неизбежно проглядывающие во взаимоотношениях с самим собой. Внешний образ мысли, чувства, внешний образ души. Не я смотрю изнутри своими глазами на мир, а я смотрю на себя глазами мира, чужими глазами; я одержим другим. Здесь нет наивной цельности внешнего и внутреннего. Подсмотреть свой заочный образ. Наивность слияния себя и другого в зеркальном образе. Избыток другого. У меня нет точки зрения на себя извне, у меня нет подхода к своему собственному внутреннему образу. Из моих глаз глядят чужие глаза».

МАНУК ЖАЖОЯН

Париж

Э то не совсем первый том будущего научного собрания сочинений Михаила Бахтина в семи томах. Составители решили начать его выпуск с пятого тома, целиком состоящего из архивных материалов, не публиковавшихся при жизни мыслителя и наполовину совершенно неизвестных читателю (12 текстов тома публикуются впервые). Черновики, рабочие записи, планы, тезисы, фрагменты, «лабораторная» работа 40-х — нач. 60-х годов. О целесообразности такого нарушения порядковой очередности поговорим ниже.

Немного жаль, что выход этого тома не подоспел к 100-летию Бахтина, отмеченному в 1995 году. Подарок был бы самым нужным и дорогим.

Но — лучше слегка поздно, чем очень поздно. Впрочем, если бы издательский энтузиазм конца 80-х годов имел одной из точек отсчета ПСС Бахтина, гуманитарная мысль современности только выиграла бы, ибо (пусть это не прозвучит прописной истиной) Бахтин — первая величина в русском литературоведении XX века. (Не забудем поблагодарить и «Русские словари» за то, что начало собранию положено все-таки в этом веке).

И на слове литературоведение позволим себе настаивать. Меня очень смущает модная мысль, сводящаяся к тому, что, Бахтин, мол, великий философ, вынужден был «маскировать» свои философские прозрения прозрениями филологическими. «Полифонизм», «карнавальность» — все это, стало быть, философский эзопов язык, а Достоевский и Рабле — лишь поводы к философствованию.

М.М.Бахтин. Собрание сочинений в семи томах. Т.5. Работы 1940-х — нач. 1960-х годов. Под ред. С.Бочарова и Л.Гоготиншвили. Комм. С.Бочарова, Л.Гоготиншвили, Н.Панькова, И.Поповой. М., «Русские словари», 1996.